

Оксана Николаевна ПАХОМОВА,
кандидат юридических наук, ORCID 0009-0003-9830-0449
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
доцент кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
oksana.39rus@mail.ru

Научная статья
УДК 343.3/.7

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Административная преюдиция, признаки состава преступления, неоднократность, злостность, уголовная ответственность, правовая регламентация.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время происходит масштабное введение в действующее уголовное законодательство норм, имеющих административную преюдицию. Однако такая широкая, но не системная модернизация, как показывает проведенный автором статьи анализ, сопровождается отсутствием единообразного подхода юридической техники к новациям в данной сфере, что оборачивается ошибками в толковании и правоприменении. *Методы.* В ходе исследования применялись общенаучный, статистический, логический, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы. *Результаты.* Обращено внимание на то, что понятие и признаки административной преюдиции в уголовном законе не регламентированы, они раскрываются в доктрине и рекомендациях правоприменительных органов. Административная преюдиция используется законодателем в трех различных формах. Во-первых, путем включения в конструктивные особенности состава преступления «лица, подвергнутого административному наказанию», во-вторых, «неоднократности», и, в-третьих, «злостности». Анализ норм Уголовного кодекса Российской Федерации позволил выявить непоследовательность применения в нем признаков «неоднократности» и «злостности». Они, во-первых, являются самостоятельными признаками основного состава преступления (ст.ст. 154, 180, 177 УК РФ), во-вторых – признаками состава с административной преюдицией (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и др.), в-третьих – признаками состава с уголовно-исполнительной преюдицией (ст. 314 УК РФ), в-четвертых, применяются законодателем в Общей части кодекса (для описания общих положений, относящихся к институту наказания, например в ч. 5 ст. 46 УК РФ и др.). В целях совершенствования и систематизации уголовно-правового механизма, регламентирующего административную преюдицию, автор предлагает закрепить общее понятие и признаки данного правового института в рамках Общей части УК РФ. Кроме того, в ряде норм Особенной части УК РФ предложено заменить признаки «неоднократное» и «злостное» на формулировку следующего содержания: «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. ... КоАП РФ».

ВВЕДЕНИЕ

Административная преюдиция, несмотря на долгую историю существования в отечественном уголовном праве и законодательстве, остается для науки и правоприменения одним из наиболее дискуссионных правовых институтов. Отчасти такое положение обусловлено тем, что в действующем законодательстве нет определения понятия и описания признаков административной преюдиции как полноценного уголовно-правового института. И это при том, что данный инструмент в последнее время ши-

роко внедряется в нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Концепция административной преюдиции в отечественной уголовно-правовой доктрине, а также в уголовном законодательстве разработана достаточно давно. Вопросы становления и развития института административной преюдиции отражены в работах многих отечественных ученых [1]. Однако в науке продолжают оживленные споры о сущности административной преюдиции и ее значении для уголовного права.

Oksana N. PAKHOMOVA,
Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0009-0003-9830-0449
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminology and Penitentiary Law
oksana.39rus@mail.ru

ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN MODERN CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA

KEYWORDS. Administrative prejudice, elements of a crime,
repetition, maliciousness, criminal liability, legal regulation.

ANNOTATION. Introduction. Currently, there is a large-scale introduction of norms that have administrative prejudice into the current criminal legislation. However, such a broad, but not systemic modernization, as the analysis carried out by the author of the article shows, is accompanied by the lack of a uniform approach of legal technology to innovations in this area, which results in errors in interpretation and enforcement. **Methods.** During the study, general scientific, statistical, logical, historical, comparative legal, systemic and structural methods were used. **Results.** Attention is drawn to the fact that the concept and signs of administrative prejudice are not regulated in criminal law; they are disclosed in the doctrine and recommendations of law enforcement agencies. Administrative prejudice is used by the legislator in three different forms. Firstly, by including in the design features of the crime «a person subjected to administrative punishment», secondly, «repeatedness», and thirdly, «maliciousness». An analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation revealed the inconsistency in the application of the signs of «repeatedness» and «maliciousness» in it. They, firstly, are independent signs of the main element of the crime (Articles 154, 180, 177 of the Criminal Code of the Russian Federation), and secondly, they are signs of a crime with administrative prejudice (Part 1 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.), in - thirdly - signs of composition with criminal-executive prejudice (Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation), fourthly, they are used by the legislator in the General Part of the Code (to describe general provisions related to the institution of punishment, for example in Part 5 of Article 46 of the Criminal Code of the Russian Federation and etc.). In order to improve and systematize the criminal legal mechanism regulating administrative prejudice, the author proposes to consolidate the general concept and characteristics of this legal institution within the framework of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, in a number of norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation it is proposed to replace the signs «repeated» and «malicious» with the following wording: «committed by a person subjected to administrative punishment for a similar act provided for in Art. ... Code of Administrative Offenses of the Russian Federation».

Целью нашего исследования, некоторые результаты которого изложены в настоящей статье, была разработка предложений по совершенствованию регламентации административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве России на основе анализа недостатков связанного с ней технико-юридического аппарата, а также изучения научных разработок по соответствующей тематике, имеющих в доктрине уголовного права.

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялись общенаучный, статистический, логический, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы.

ОБСУЖДЕНИЕ

В современной доктрине уголовного права довольно длительное время продолжается полемика относительно обоснованности наличия административной преюдиции в системе уголовно-правовых механизмов. Многие авторы подробно анализируют сам предмет споров, например М.В. Бавсун [2], С.А. Баранова [3], В.В. Хиллута [4]. Следует отметить также обоснованность доводов как сторонников рассматриваемого нами института,

в частности, М.В. Бавсуна [2], О.С. Капинус [5], В.П. Малкова [6], З.А. Незнамовой [7], так и его критиков – Е.Г. Быковой [8], А.А. Казакова [8], И.В. Дворянкова [9], Н.А. Лопашенко [10], Р.А. Сабитова [11], Ю.П. Синельщикова [12], Ю.А. Тимошенко [13].

В целях решения задач нашего исследования выделим наиболее точные и обоснованные, частично внедренные в современное законодательство и правоприменительную практику, доктринальные подходы к сущности, понятию и признакам административной преюдиции.

Самой аргументированной, получившей широкое признание в научной среде, по нашему мнению, является позиция, согласно которой сущность административной преюдиции определяется именно повышенной общественной опасностью лица, повторяющего проступок, будучи подвергнутым административному наказанию. Здесь диалектически проявляется известный закон перехода количественных изменений в качественные, отражающий повышение степени общественной опасности такого лица. Поэтому, как отмечают ряд авторов, повторное совершение аналогичного правонарушения должно

приводить к наступлению уголовной ответственности [4].

Понятие административной преюдиции, раскрывающее ее юридическую суть, детально рассматривается в работах М.В. Бавсуна [2], С.А. Барановой [3], В.В. Хилюты [4]. Опираясь на труды этих авторов, мы понимаем под административной преюдицией совершение лицом, имеющим действующее административное наказание за аналогичное правонарушение, деяния, ответственность за которое предусмотрена статьей УК РФ. К числу обязательных уголовно-правовых признаков административной преюдиции относятся:

- действующее административное наказание лица за совершение административного правонарушения;
- совершение таким лицом аналогичного деяния, за которое предусмотрена уголовная ответственность.

В отечественном уголовном законодательстве первые упоминания об использовании подобного института встречаются в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 года [14]. В советском законодательстве административная преюдиция нашла свое место в 1920-х годах и получила широкое развитие в 1960-1990 годах [15]. В частности, около двадцати составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР (в ред. от 30.07.1996 г.), предусматривали административную преюдицию в качестве обязательного признака¹. Советский законодатель при конструировании уголовно-правовых оснований ответственности за деяние с административной преюдицией использовал формулировки «если это действие совершено лицом, подвергавшимся административному взысканию за такое же нарушение» или «совершенные после наложения административного взыскания за такие же правонарушения», в некоторых случаях – «если оно совершено лицом, которое в течение года подвергалось административному взысканию за те же действия». При этом в советском уголовном законодательстве отсутствовали, также как и отсутствуют в действующем, общие дефиниции, закрепляющие сущность и признаки анализируемого правового института.

Как известно, в ходе реформирования уголовного законодательства в 1990-х годах от многих наработок советской эпохи законодатели решили

отказаться. Напомним, административной преюдиции на момент принятия УК РФ 1996 года места в нем не нашлось. В него нормы с административной преюдицией стали активно включаться в последние пять лет. Заметный тренд расширения применяемости данного инструмента законодательной техники для построения норм об ответственности за новые общественно опасные формы поведения подтверждается тем, что более трети таких составов были введены в кодекс за два последних года. Только за 2022 год в него были включены девять норм, предусматривающих административную преюдицию в качестве конструктивного признака основного состава преступления: ст.ст. 201.2, 201.3, 264.3, 274.2, 280.3, 282.4, 284.2, 285.5, 285.6. В прошлом году тенденция масштабного внедрения административной преюдиции в уголовное законодательство сохранилась. В УК РФ были добавлены ст. 321.1 «Передача лицу, содержащемуся в учреждении уголовно-исполнительной системы или месте содержания под стражей, средств мобильной связи и иных средств коммуникации лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость»² и ст. 330.3 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной некоммерческой неправительственной организации, сведения о структурных подразделениях которой отсутствуют в реестре филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций или которая не имеет зарегистрированного в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, структурного подразделения – отделения»³.

В итоге к концу 2023 года в действующем уголовном кодексе насчитывалось уже более 30 норм, предусматривающих административную преюдицию. Это обстоятельство показывает ошибочность прогнозов некоторых авторов научных работ о том, что современный законодатель не сможет достигнуть масштабов советского периода по внедрению административной преюдиции [15].

Об актуальности исследования данного правового института свидетельствуют, в частности, показатели правоприменительной практики. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, доля лиц, осужден-

¹ Например: ст.ст. 156.4. Незаконный отпуск бензина или других горюче-смазочных материалов; 156.5. Нарушение правил торговли; 156.6. Нарушение государственными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР; 162.1. Уклонение от подачи декларации о доходах; 162.4. Незаконное предпринимательство; 162.9. Незаконное усыновление; 162.10. Продажа подлежащих маркировке марками установленных образцов подакцизных товаров без маркировки марками установленных образцов; 166. Незаконная охота; 166.1. Продажа, скупка, обмен шкур пушных зверей; 167.2. Самовольная добыча янтаря; 175.1. Нарушение антимонопольного законодательства; 197. Нарушение правил въезда или проживания в пограничной полосе или пограничной зоне; 197.1. Нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР; 200.1. Нарушение порядка организации или проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия и пикетирования; 208.1. Организация азартных игр; 224.3. Незаконные приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах; 225.1. Незаконные посев или выращивание масличного мака и конопли; 230.1. Жестокое обращение с животными (Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // СПС «КонсультантПлюс»).

² Федеральный закон от 19.12.2023 № 597-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 04.08.2023 № 413-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ных по составам с административной преюдицией среди всех осужденных выросла с 4,6% в 2009 году до 22% к 2023 году¹.

В частности, за последние пять лет стабильно высоким остается количество лиц, осужденных по ч. 1 ст. 157 УК РФ: в 2017 г. – 40273; в 2018 г. – 45751; в 2019 г. – 46864; в 2020 г. – 37732; в 2021 г. – 46958; в 2022 г. – 48934; в первом полугодии 2023 г. – 18383; а также осужденных по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ: в 2017 г. – 3117; в 2018 г. – 3859; в 2019 г. – 4106; в 2020 г. – 4262; в 2021 г. – 5036; в 2022 г. – 5151; в первом полугодии 2023 г. – 2384.

Относительно стабильным сохраняется число лиц, осужденных по ст. 151.1 УК РФ: в 2017 г. – 581; в 2018 г. – 569; в 2019 г. – 531; в 2020 г. – 452; в 2021 г. – 549; в 2022 г. – 584; в первом полугодии 2023 г. – 280. При этом волнообразную динамику показывают данные по коррелирующей с ней ст. 171.4 УК РФ (введена в 2017 г.), по которой осуждено: в 2018 г. – 481; 2019 г. – 919; 2020 г. – 681; 2021 г. – 887; в 2022 г. – 821; в первом полугодии 2023 г. – 356.

Устойчиво снижается численность осужденных по ст. 177 УК РФ: в 2017 г. – 140; в 2018 г. – 137; в 2019 г. – 94; в 2020 г. – 57; в 2021 г. – 81; в 2022 г. – 62; в первом полугодии 2023 г. – 38; осужденных по ч. 1 ст. 282 УК РФ: в 2017 г. – 461; в 2018 г. – 418 (до внесения изменений, включивших в данную норму административную преюдицию); в 2019 г. – 14; в 2020 г. – 7; в 2021 г. – 20; в 2022 г. – 25; в первом полугодии 2023 г. – 6; осужденных по ч. 1 ст. 315 УК РФ: в 2017 г. – 214; в 2018 г. – 194 (до внесения изменений, включивших в данную норму административную преюдицию); в 2019 г. – 4; в 2020 г. – 3; в 2021 г. – 3; в 2022 г. – 1; в первом полугодии 2023 г. – 2.

Статистика показывает «спящий» характер нормы, предусмотренной ст. 215.4 УК РФ, по которой с 2017 г. по первое полугодии 2023 г. не было осуждено ни одного человека².

Приведенные статистические данные позволяют сделать ряд выводов.

В частности, включение в нормы уголовного законодательства административной преюдиции является результатом взвешенного подхода законодателя, предусматривающего экономико-репрессии в отношении ряда деликтов. Например, с момента введения административной преюдиции в ч. 1 ст. 282 УК РФ в 2018 году, как видно из приведенных выше данных, отмечается кратное снижение числа лиц, осужденных по этому составу преступления. Поэтому, считаем, следует согласиться с теми авторами научных работ, которые отмечают декриминализующую функцию норм с административной преюдицией [14].

Вместе с тем снижение числа осужденных по ст. 177 УК РФ, в настоящее время не предусматривающей административной преюдиции, но вклю-

чающей оценочный признак злостности, который не имеет однозначного законодательного толкования, может свидетельствовать о необходимости ее дальнейшего совершенствования. Например, путем точного определения границы уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности с помощью административной преюдиции.

Итак, следует признать позитивной интенсификацию применения административной преюдиции в уголовном законодательстве, а также правоприменительной практике, несмотря на протесты и критику со стороны ряда представителей научного сообщества. Кроме того, есть основания говорить о том, что сложилась законодательная практика по расширению использования административной преюдиции в нормах Особенной части УК РФ. Впрочем, такая масштабная, но не системная модернизация, как показывают результаты проведенного нами анализа, сопровождается отсутствием единообразного подхода к применению юридической техники в данной сфере, что нередко приводит к ошибкам в толковании и правоприменении.

Законодатель использует функции административной преюдиции в двух случаях:

- при включении в уголовный закон новых составов преступлений (например ст.ст. 116.1, 158.1, 171.4, 201.2, 201.3 УК РФ);

- при изменении (модификации) основных признаков уже действующих норм (например ст.ст. 157, 193, 282, 315 УК РФ).

Законодательная техника конструирования норм с административной преюдицией включает три варианта их регламентации:

- во-первых, через указание в диспозиции статьи кодекса на «лицо, подвергнутое административному наказанию», например ст. 116.1. УК РФ;

- во-вторых, путем формулирования одного из признаков состава преступления с помощью выражения «если это деяние совершено неоднократно», например ст. 157 УК РФ;

- в-третьих, посредством указания на злостность уклонения субъекта от исполнения определенных обязанностей или их неисполнения, например ч. 1 ст. 315 УК РФ.

В связи с этим возникает вопрос: почему законодатель использует различные варианты описания деяний, имеющих общее основание уголовной ответственности – административную преюдицию? Также неизбежно возникает вопрос о толковании содержания и соотношении признаков злостности, неоднократности, подвергнутости административному наказанию, отражающих сущность административной преюдиции, в процессе правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

¹ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009 - первое полугодие 2023 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

² См.: Сводные отчеты статистических данных о состоянии судимости за 2017 - первое полугодие 2023 гг. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900>.

По нашему мнению, причинами, порождающими вышеперечисленные вопросы юридической техники, толкования и правоприменения, являются несистемный подход законодателя к включению в кодекс норм с административной преюдицией, а также отсутствие законодательного определения специфики таких норм.

Обращает, в частности, на себя внимание то обстоятельство, что не выработано единообразного толкования и единых принципов использования признака «неоднократность», являющегося конструктивным элементом ряда составов преступлений. Действующее уголовное законодательство использует этот признак двадцать раз в описании основных и квалифицированных составов преступлений, а также в примечаниях к ним (например в ст.ст. 151.1, 154, 157, 171.4, 180, 212.1, 215.4, 314.1, в примечаниях к ст.ст. 193 и 193.1 УК РФ). Неоднократность в нормах Особенной части УК РФ применяется в трех различных вариантах. Так, в некоторые нормы, непосредственно предполагающие административную преюдицию, законодатель включает признак неоднократности, давая в примечании к статье кодекса разъяснение со ссылками на нормы административного законодательства, являющиеся предпосылками уголовной ответственности (например в ст. 151.1 УК РФ). В других случаях, например в ст. 116.1 УК РФ, признак неоднократности включен в диспозицию нормы, описывающую деяние, ответственность за которое предусмотрена частью первой соответствующей статьи кодекса. При этом также дается ссылка на аналогичные административно-правовые нормы. И, наконец, неоднократность используется и в качестве самостоятельного признака преступлений, который в уголовном законе не раскрывается, например в ст.ст. 154, 180 УК РФ, а его толкование делегируется Пленумам Верховного Суда Российской Федерации¹.

Также непросто обстоят дела с признаком «злостность». Он используется, во-первых, в Общей части УК РФ для описания положений, относящихся к институту наказания: ч. 5 ст. 46 УК РФ – злостное уклонение от уплаты штрафа, ч. 3 ст. 49 УК РФ – злостное уклонение от обязательных работ, ч. 4 ст. 50 УК РФ – злостное уклонение от исправительных работ, ч. 5 ст. 53 УК РФ – злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ – злостный нарушитель порядка, ч. 5 ст. 79 УК РФ – злостные нарушения порядка отбывания наказания. Во-вторых, – в Особенной части УК РФ для кодификации ответственности в нормах, предполагающих административную

преюдицию (ч. 1 ст. 315 УК РФ – злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта), а также в нормах с уголовно-исполнительной преюдицией (ст. 314 УК РФ – злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания). В третьих, «злостность» выступает в качестве самостоятельного признака состава преступления в ряде норм УК РФ (ст. 177 УК РФ – злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности; ст. 185.1 УК РФ – злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах; ч. 2 ст. 315 УК РФ – злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта специальным субъектом). В последней группе «злостных» преступлений содержание данного признака уголовным законодательством не раскрывается, и правоприменитель в такой ситуации вынужден руководствоваться сложившейся судебной практикой или методическими рекомендациями¹.

Результаты проведенного нами анализа судебной практики указывают на то, что правоприменители зачастую произвольно толкуют признак злостности, в частности, предусмотренный ст. 177 УК РФ. Так, в некоторых обвинительных приговорах описаны по два эпизода уклонения от погашения кредиторской задолженности в течение одного месяца, в других случаях суд фиксирует четыре и более эпизодов подобного уклонения в течение почти нескольких месяцев³. Такое положение дел обусловлено тем, что в законе не установлено, сколько раз лицо должно уклониться от погашения кредиторской задолженности и за какой промежуток времени, чтобы его можно было привлечь к уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ. Кроме того, несовершенство законодательной конструкции деяния, ответственность за которое предусмотрена данной статьей кодекса, позволяет недобросовестным заемщикам путем затягивания сроков исполнения решения суда о погашении задолженности вообще уходить от ответственности в связи с истечением сроков давности⁴. Поэтому законодатель необходимо рассмотреть возможность точной кодификации оснований уголовной ответственности за совершение таких деяний. Например, посредством превентивной административной ответственности для лиц, являющихся субъектами деяния, предусмотренного ст. 177 УК РФ. При этом в рамках административного законодательства следует установить кратность и период уклонения от погашения кредиторской

¹ Например, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» под неоднократностью понимает «совершение лицом двух и более деяний, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров».

² Например: Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) (утв. ФССП России 21.08.2013 № 04-12) (ред. от 03.10.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Дело № 1-158/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/546244.html>; Дело № 10-11421/18 // URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/8e086cdf-311d-45d7-9579-8d55fee6d73d>.

⁴ Дело №1-152/17 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/457190.html>.

задолженности, которые признавались бы нарушающими закон.

Противоречивость сложившейся концепции законодательной регламентации категорий неоднократности, злостности, а также вопросов, связанных с уголовной ответственностью за аналогичные административные правонарушения, оборачивается погрешностями в толковании и правоприменительной деятельности правоохранительных органов. В процессе дознания и предварительного следствия из-за этого нередко случаются ошибки: например, лицо одновременно привлекается к ответственности за административное правонарушение (по КоАП РФ) и преступление (по УК РФ). Как произошло, в частности, с гражданином Б., действия которого (один удар по уху, хватание потерпевшей за руку, повлекшие физическую боль при отсутствии последствий, предусмотренных ст. 115 УК РФ) одновременно были квалифицированы по ст. 6.1.1 КоАП РФ и по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ¹.

Кроме того, допускаются ошибки при квалификации повторно содеянного лицами, имеющими действующее административное наказание за аналогичное деяние. Так, действия гражданки Г. (розничная продажа алкогольной, спиртосодержащей продукции в декабре 2019 г., при том что в отношении нее имелось вступившее в законную силу в феврале 2019 г. постановление о привлеченной к ответственности по ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ за незаконную розничную продажу алкогольной спиртосодержащей продукции) были снова квалифицированы как административное правонарушение (по той же самой ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ), несмотря на то, что в наличии уже были признаки деяния, предусмотренного ст. 171.4 УК РФ². Основанием уголовной ответственности в данном случае является совокупность всех обязательных признаков, в том числе такого из них, как наличие специального субъекта, а именно лица, подвергнутого действующему административному наказанию в соответствии с КоАП РФ. Поэтому решения, подобные описанному выше, приходится отменять вышестоящим судебным органам.

В данном случае есть основания согласиться с мнением И.П. Кожокаря, который отмечал, что «наличие технико-юридических дефектов в праве влечет проблемы с применением правовых норм. При этом правоприменительные органы ввиду недостаточной теоретической проработки вопроса правовой дефектности в неполном объеме задействуют разнообразный правовой инструментарий по преодолению дефектов и снижению их негативного действия на правоотношения»³.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. В настоящее время происходит несистематизированное масштабное введение в действующее уголовное законодательство норм, предусматри-

вающих административную преюдицию. Число таких норм в УК РФ превосходит на треть количество статей с административной преюдицией, содержащихся в УК РСФСР 1960 г. (в редакции 1996 г.).

2. Понятие, признаки и роль административной преюдиции в уголовном законе не закреплены, они раскрываются в научных трудах, постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, рекомендациях правоприменительных органов.

3. Вследствие этого административная преюдиция, не имеющая четких законодательно определенных границ, применяется законодателем в трех различных формах. Во-первых, путем включения в число конструктивных особенностей состава преступления «лица, подвергнутого административному наказанию», во-вторых – «неоднократности», и в-третьих – «злостности».

4. Проведенный нами анализ законодательства показал непоследовательное применение признаков неоднократности и злостности в структуре Уголовного кодекса. Они применяются по-разному: во-первых, как самостоятельные признаки основного состава преступления (ст.ст. 154, 180, 177 УК РФ), во-вторых, как признаки состава преступления с административной преюдицией (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и др.), в-третьих, как признаки состава преступления с уголовно-исполнительной преюдицией (ст. 314 УК РФ), в-четвертых, применяются законодателем в Общей части УК РФ (для описания положений, относящихся к институту наказания, – ч. 5 ст. 46 и др.).

5. На основании изложенного в целях совершенствования уголовно-правового механизма, регламентирующего административную преюдицию, в нормах Особенной части УК РФ из числа конструктивных признаков составов преступлений предлагаем исключить признаки:

– неоднократность – ст.ст. 151.1, 157, 171.4, 215.4, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ;

– злостность – ст. 177 УК РФ и ч. 1 ст. 315 УК РФ.

Вместе с тем считаем необходимым заменить во всех вышеперечисленных нормах слова «неоднократное» и «злостное» на формулировку «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. ... КоАП РФ».

Кроме того, предлагаем закрепить превентивную административную ответственность для лиц, являющихся субъектами преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 177 УК РФ.

С учетом масштабности включения в Особенную часть УК РФ за последние пятнадцать лет норм с административной преюдицией, а также в целях приведения к единству юридической техники их конструирования нами предлагается закрепить общее понятие и признаки рассматри-

¹ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2023 № 16-467/2023.

Процессуальные вопросы: О прекращении производства по делу // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2022 № 16-185/2022(16-3015/2021).

Категория спора: Привлечение к административной ответственности. Требования уполномоченного органа:

О привлечении к ответственности по ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции физическими лицами. Решение: Производство прекращено.

³ Кожокар И.П. Техничко-юридические дефекты в российском праве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2020. С. 4.

ваемого в настоящей статье правового института в рамках Общей части УК РФ:

«Административная преюдиция как признак состава преступления, предусмотренного УК РФ, – совершение лицом, подвергнутым действующему административному наказанию за аналогичное правонарушение, деяния, ответственность за которое предусмотрена соответствующей статьей УК РФ.

Обязательными уголовно-правовыми признаками административной преюдиции являются:

- лицо, подвергнутое действующему административному наказанию за совершение аналогичного административного правонарушения;

- совершение таким субъектом аналогичного деяния, ответственность за которое предусмотрена соответствующей статьей УК РФ».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полагаем, что единообразный технико-юридический подход к системе норм уголовного законодательства, регламентирующих понятие и признаки административной преюдиции, будет способствовать решению задачи по приведению построения норм уголовного законодательства к целостной логике, минимизации ошибок в процессе их толкования, а также повышению эффективности правоприменительной деятельности в данной сфере. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48-53.
2. Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6-9.
3. Баранова С.А. Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия: особенности конструкции преюдициального состава // Российский следователь. 2021. № 7. С. 30-33.
4. Хиллута В.В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 117-136.
5. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: российский и белорусский опыт // Предварительное расследование. 2019. № 2. С. 36-45.
6. Малков В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 185-191.
7. Незнамова З.А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 20-25.
8. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Правовой капкан административной преюдиции в свете изменений уголовного и административного законодательства (на примере ч. 2 ст. 330.1 УК РФ) // Российский судья. 2023. № 4. С. 32-36.
9. Дворянсков И.В. Административная преюдиция в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 2 (62). С. 153-162.
10. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64-71.
11. Сабитов Р.А. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1. С. 84-89.
12. Синельщиков Ю.П. Административная преюдиция в современном уголовном судопроизводстве: теория и практика // Государство и право. 2020. № 1. С. 86-92.
13. Тимошенко Ю.А. Уголовно-наказуемое деяние с административной преюдицией – преступление или административное правонарушение? // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1. С. 214-219.
14. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78-86.
15. Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. № 2. С. 39-52.

REFERENCES

1. Bezverkhov A.G. Vozvrashcheniye «administrativnoy preyuditsii» v ugovnoye zakonodatel'stvo Rossii // Rossiyskaya yustitsiya. 2012. № 1. S. 48-53.
2. Bavsun M.V., Bavsun I.G., Tikhon I.A. Administrativnaya preyuditsiya i perspektivy yeye primeneniya na sovremennom etape // Administrativnoye pravo i protsess. 2008. № 6. S. 6-9.
3. Baranova S.A. Neodnokratnoye narusheniye ustanovlennogo poryadka organizatsii libo provedeniya publichnogo meropriyatiya: osobennosti konstruksii preyuditsial'nogo sostava // Rossiyskiy sledovatel'. 2021. № 7. S. 30-33.
4. Khilyuta V.V. Fenomen administrativnoy preyuditsii v kontekste ponimaniya sushchnosti prestupleniya // Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava. 2021. T. 5. № 17. S. 117-136.
5. Kapinus O.S. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: rossiyskiy i belorusskiy opyt // Predvaritel'noye rassledovaniye. 2019. № 2. S. 36-45.

6. Malkov V.P. Neodnokratnost' pravonarusheniya i administrativnaya preyuditsiya kak sredstva kriminalizatsii i dekriminalizatsii sodeyannogo v rossiyskom ugovnom prave // Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 2. S. 185-191.
7. Neznamova Z.A. Prestupleniya s administrativnoy preyuditsiyey v Ugolovnom kodekse RF: kollizii mezhotraslevogo regulirovaniya // Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka. 2015. № 6. S. 20-25.
8. Bykova Ye.G., Kazakov A.A. Pravovoy kapkan administrativnoy preyuditsii v svete izmeneniy ugovnogo i administrativnogo zakonodatel'stva (na primere ch. 2 st. 330.1 UK RF) // Rossiyskiy sud'ya. 2023. № 4. S. 32-36.
9. Dvoryanskov I.V. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave // Penitentsiarnaya nauka. 2023. T. 17. № 2 (62). S. 153-162.
10. Lopashenko N.A. Administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave – net! // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2011. № 3. S. 64-71.
11. Sabitov R.A. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: za i protiv // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2019. № 1. S. 84-89.
12. Sinel'shchikov YU.P. Administrativnaya preyuditsiya v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 1. S. 86-92.
13. Timoshenko YU.A. Ugolovno-nakazuyemoye deyaniye s administrativnoy preyuditsiyey – prestupleniye ili administrativnoye pravonarusheniye? // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2016. № 1. S. 214-219.
14. Kapinus O.S. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: problemy teorii i praktiki // Zhurnal rossiyskogo prava. 2019. № 6. S. 78-86.
15. Bezverkhov A.G. Administrativnaya preyuditsial'nost' v ugovnom zakonodatel'stve Rossii: istoki, realii, perspektivy // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo. 2011. № 2. S. 39-52.

© Пахомова О.Н., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пахомова О.Н. Административная преюдиция в современном уголовном законодательстве России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 23-30.